BG Pulse Journal USA
ISSN:1947-2536 Isdoi:omiddinova Imrona
BG PULSE JOURNAL

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ ИХ ПЕРЕВОДА В РУССКО-УЗБЕКСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Кабилова Гулшода Отабек кизи,
Магистрант Каршинского
международного университета
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.24007563

Аннотация. В статье рассматриваются национально-культурные особенности фразеологических единиц русского и узбекского языков, а также типичные ошибки, возникающие при их передаче в художественном переводе. На основе сопоставительного и контекстуально-семантического анализа выявляются случаи буквального перевода, ошибочного выбора эквивалента, утраты образности и стилистической несоразмерности. Особое внимание уделено фразеологизмам с компонентами «душа», «сердце», ko‘ngil, yurak, а также выражениям, отражающим ценностные представления и модели поведения. Предложены критерии оценки переводческого решения: смысловая точность, функциональная адекватность, сохранение эмоциональной окраски и культурной мотивированности. Примеры служат иллюстративным материалом и не приписываются конкретным опубликованным переводам.
Ключевые слова: фразеологическая единица, художественный перевод, национально-культурная специфика, эквивалентность, образность, переводческая ошибка, русский язык, узбекский язык.

Abstract. This article examines the national and cultural specificity of Russian and Uzbek phraseological units and recurrent errors in their translation in literary discourse. Using contrastive and contextual-semantic analysis, it discusses literal rendering, inappropriate equivalents, loss of imagery, and stylistic mismatches. Particular attention is paid to idioms containing the concepts of soul and heart, including the Uzbek ko‘ngil and yurak. The article proposes criteria for assessing translation choices: semantic accuracy, functional adequacy, emotional expressiveness, and cultural relevance. The examples are constructed for comparative illustration rather than cited as documented translations of particular literary works.
Keywords: phraseological unit, literary translation, cultural specificity, equivalence, imagery, translation error, Russian, Uzbek.

Введение

Художественный перевод представляет собой не только воспроизведение значения исходного текста средствами другого языка, но и интерпретацию эстетических, эмоциональных и культурных смыслов. Особенно отчётливо сложность данного процесса обнаруживается при передаче фразеологических единиц: их семантика зачастую не выводится из значений отдельных компонентов, а образная структура связана с коллективным опытом носителей языка. В русско-узбекском переводе эта проблема приобретает особую актуальность в связи с различиями культурных ассоциаций, речевого этикета и стилистической организации художественного повествования.

Цель исследования — определить, как национально-культурная специфика фразеологизмов влияет на выбор переводческой стратегии, и систематизировать типичные ошибки при передаче устойчивых выражений в русских и узбекских художественных текстах. Для достижения цели рассматриваются семантические, образные и прагматические параметры фразеологических единиц; анализируются варианты перевода, сопоставляются потенциальные эквиваленты и формулируются рекомендации для переводческой практики. Новизна работы состоит в совместном рассмотрении культурной обусловленности фразеологического образа и переводческих ошибок как взаимосвязанных явлений.

Фразеологическая единица понимается в работе как относительно устойчивое сочетание слов с воспроизводимой формой и целостным значением, нередко сопровождаемым оценочной и экспрессивной нагрузкой. Для художественного текста существенны не только номинативные, но и характеризующая, эмоционально-оценочная и текстообразующая функции подобных единиц. Выражение может раскрывать отношение персонажа к происходящему, маркировать социальную среду или создавать эффект разговорной непосредственности. Поэтому совпадение словарного значения исходного и переводного сочетаний ещё не гарантирует соответствия художественному замыслу.

В переводоведении проблему эквивалентности целесообразно рассматривать на нескольких уровнях. Baker (2018) уделяет специальное внимание идиомам и устойчивым сочетаниям в рамках эквивалентности выше уровня слова; Newmark (1988) рассматривает выбор переводческих процедур с учётом культурных и текстовых факторов; Bassnett (2014) подчёркивает место художественного перевода в межкультурном взаимодействии. Применительно к фразеологизмам указанные подходы позволяют разграничить смысловой эквивалент, функциональный аналог, описательную передачу и калькирование. Ни один из способов не является универсально оптимальным: его результат оценивается в конкретном контексте.

Методологическую основу исследования составляют сопоставительный, описательный и контекстуально-семантический методы. Материал образуют устойчивые выражения русского и узбекского языков, представленные в исходных материалах исследования и дополненные общеязыковыми примерами. В таблицах приведены аналитически сконструированные варианты перевода, а не документальные цитаты из изданий Ф. М. Достоевского, Абдуллы Кадыри или Уткира Хошимова. Это разграничение важно для корректности выводов: исследование выявляет типы соответствий, но не устанавливает частотность ошибок в конкретном корпусе переводов.

Фразеологический фонд любого языка фиксирует исторические представления о мире, характерные модели эмоций, этические нормы и повседневные практики. Национально-культурная специфика обнаруживается не только в компонентах с прямыми этнографическими отсылками, но и в привычных образах внутреннего состояния человека. В узбекском языке продуктивна группа выражений с компонентом ko‘ngil, который в зависимости от окружения может обозначать душевное настроение, переживание, склонность, обиду или удовлетворение. Русские «душа» и «сердце» частично пересекаются с этой семантической сферой, однако не образуют постоянных пословных соответствий.

Так, узбекское ko‘ngli yorishdi передаёт улучшение душевного состояния, облегчение или радость. В контексте естественнее могут звучать «на душе посветлело», «отлегло от сердца» или «повеселел», тогда как буквальная конструкция «его душа осветилась» производит иной стилистический эффект. В выражении ko‘ngli og‘ridi компонент ko‘ngil участвует в обозначении обиды или душевной боли. Перевод «ему стало обидно» способен

точно передать смысл, но нивелирует образность; «у него заболела душа» может сохранить эмоциональность, однако подходит не ко всем контекстам. Выбор зависит от характера персонажа и тональности эпизода.

Другую группу составляют устойчивые единицы, связанные с культурно значимыми этическими категориями. Узбекское nomusini saqlamoq соотносится с сохранением чести, достоинства или доброго имени. Выражение нельзя автоматически приравнивать к одной русской формуле, поскольку категория nomus в зависимости от ситуации может включать представления о личной репутации и общественной оценке. В художественном переводе требуется определить, какая составляющая актуализирована в речевой ситуации: нравственная ответственность, личное достоинство, семейная репутация или опасение общественного осуждения.

Особое значение имеют фразеологизмы, характеризующие интенсивность и характер действия. Выражение ko‘z ochib yumguncha допускает функциональное соответствие «в мгновение ока»; оба оборота выражают быстроту, хотя их формальная и стилистическая структура различается. Такие случаи демонстрируют возможность высокой функциональной эквивалентности при несовпадении языковой формы. Тем не менее даже близкие аналоги должны проверяться с точки зрения речевой естественности: книжный оборот не всегда подходит персонажу, говорящему в просторечном регистре.

Наиболее очевидной, но не единственной ошибкой является буквальное воспроизведение компонентов устойчивого выражения. Русское «вешать лапшу на уши» означает обманывать, вводить в заблуждение; механический перенос образа на узбекский язык может создать неестественную конструкцию. Функционально оправданный вариант — aldamoq либо, в зависимости от ситуации, образное выражение, привычное адресату. Однако однословная замена снижает разговорную экспрессию. Следовательно, переводчику приходится соотносить точность смысла и сохранение стилистического эффекта.

Вторая ошибка — ложная эквивалентность, когда внешне похожее выражение используется без проверки его смыслового объёма. Например, русское «сердце не на месте» обозначает беспокойство и тревогу; узбекское yuragi bezovta в подходящем контексте воспроизводит это состояние, тогда как дословная конструкция yurak joyida emas может быть воспринята как искусственная. Аналогично выражение «душа болит» может требовать не одного, а нескольких решений: ko‘ngli og‘ridi, tashvish chekdi или iztirob chekdi — в зависимости от того, идёт ли речь об обиде, тревоге или глубоком переживании.

Третья ошибка проявляется в потере художественной образности. Нейтральное объяснение часто передаёт информационный смысл, но не воспроизводит коммуникативную силу реплики. Так, «язык проглотил» может быть переведено как «замолчал», однако при этом исчезает образ внезапного молчания, нередко связанного с удивлением, страхом или неловкостью. Узбекское tili kalimaga kelmadi в определённых ситуациях позволяет сохранить повышенную экспрессию, но также нуждается в контекстуальной проверке. Близость общего значения не отменяет различий в эмоциональной мотивации.

Четвёртая проблема — нарушение стилистического соответствия. Разговорный фразеологизм, заменённый высококнижным выражением, меняет голос героя; нейтральная подстановка ослабляет авторскую иронию. При передаче народной речи особенно важно учитывать степень экспрессивности, социальные характеристики говорящего и внутренний ритм диалога. Идиома, уместная в повествовании автора, не обязательно органична в реплике ребёнка или персонажа с ограниченным образованием.

Пятая проблема связана с неверной интерпретацией национально-культурного образа. Ошибка возникает, когда переводчик принимает сходство образных компонентов за полное совпадение ассоциативного содержания либо, напротив, полностью нейтрализует культурно значимый элемент. В художественном тексте адаптация оправданна до той границы, пока она помогает читателю понять переживание и не подменяет авторскую картину мира. Поэтому культурная маркированность должна оцениваться как самостоятельный параметр, а не как помеха, которую необходимо устранять во всех случаях.

Для демонстрации смысловых и функциональных различий рассмотрим несколько пар. «Предпочтительный вариант» в таблице означает контекстно допустимое решение, а не единственно нормативный перевод. При смене персонажа, жанра и ситуации соответствие может изменяться.

Исходная единица	Буквальный / неудачный вариант	Возможный перевод	Комментарий
вешать лапшу на уши	quloqqa lag‘mon osmoq	aldamoq; laqillatmoq	Смысл сохраняется; разговорную образность следует проверять в контексте.
сердце не на месте	yurak joyida emas	yuragi bezovta; ko‘ngli bezovta	Передача состояния тревоги.
душа болит	ruh og‘riyapti	ko‘ngli og‘ridi; iztirob chekdi	Значение зависит от причины переживания.
язык проглотил	tilini yutdi	tili kalimaga kelmadi; jim bo‘lib qoldi	Степень экспрессии определяется ситуацией.
ko‘ngli yorishdi	душа осветилась	на душе посветлело; отлегло от сердца	Переход от буквального образа к естественной русской идиоме.
ko‘z ochib yumguncha	пока откроет и закроет глаза	в мгновение ока	Функциональный фразеологический аналог.
nomusini saqlamoq	сохранить намус	сохранить честь / достоинство	Культурный смысл требует уточнения.

Таблица показывает, что сопоставление фразеологизмов нельзя ограничивать поиском пословного эквивалента. Даже при наличии формально сходных оборотов важно учитывать интенсивность оценки и тип эмоции. Для «душа болит» существенным оказывается различие между тревогой и обидой; для ko‘ngli yorishdi — степень эмоционального облегчения; для nomusini saqlamoq — культурная и социальная мотивация поступка. Иными словами, соответствие устанавливается на уровне контекстуальной функции выражения.

Практическая оценка перевода фразеологической единицы может строиться на четырёх взаимосвязанных критериях. Первый — семантическая точность: перевод не должен подменять исходное чувство или действие другим. Второй — прагматическая адекватность: желательно, чтобы реплика вызывала сходный эффект — сочувствие, иронию, тревогу или комический отклик. Третий — стилистическая соразмерность: регистр и экспрессивность должны соответствовать авторской речи и голосу персонажа. Четвёртый — сохранение культурной значимости: переводчик решает, какие элементы образа необходимо удержать, а какие допустимо функционально переосмыслить.

Последовательность работы с идиомой включает распознавание устойчивого выражения, определение его конкретного значения в эпизоде, выявление эмоциональной и социальной функции, подбор нескольких вариантов и их проверку в цельном фрагменте. Если полноценный фразеологический эквивалент отсутствует, допустим описательный перевод; если образ узнаваем и не нарушает норм языка перевода, возможно частичное калькирование. Механическое предпочтение либо максимальной дословности, либо полной нейтрализации обычно приводит к потерям разных типов.

Для дальнейшего исследования перспективно создание сопоставимого корпуса оригинальных русских и узбекских художественных текстов и их опубликованных переводов. Такой корпус позволил бы отделить потенциальные трудности, показанные в данной работе, от реально засвидетельствованных переводческих решений, оценить частотность стратегий и сопоставить их по жанрам. Важным методическим условием остаётся точная библиографическая атрибуция каждого примера: название произведения, издание, переводчик и страница должны фиксироваться отдельно.

Заключение

Национально-культурная специфика фразеологических единиц составляет один из ключевых факторов сложности русско-узбекского художественного перевода. Устойчивые выражения передают не только предметно-логический смысл, но и эмоциональную оценку, речевой облик персонажа, историческую память и коллективные представления. Поэтому прямое совпадение лексических компонентов редко может служить достаточным основанием для выбора переводческого варианта.

Сопоставительный анализ позволил систематизировать пять основных групп рисков: буквальный перевод, ложную эквивалентность, утрату образности, стилистическое несоответствие и искажение культурного содержания. Наиболее обоснованным решением является контекстно ориентированный выбор между фразеологическим эквивалентом, функциональным аналогом, описательной передачей и частичным калькированием. Качество перевода определяется сохранением смысловой, прагматической, эстетической и культурной функций исходной единицы. Полученные положения могут использоваться при обучении художественному переводу и подготовке русско-узбекских сопоставительных исследований фразеологии.

Список литературы

1. Baker, M. (2018). In other words: A coursebook on translation (3rd ed.). Routledge. (370 с.)
2. Bassnett, S. (2014). Translation studies (4th ed.). Routledge. (208 с. по данным издателя; основной текст — 190 с. по библиотечным каталогам.)
3. Newmark, P. (1988). A textbook of translation. Prentice Hall International. (292 с.)